

ИЛЬХАМ
РАГИМОВ

ВОСТОЧНЫЙ КОВЕР

«Восточный ковер» — историко-политический детектив, действие которого развивается в период Второй мировой войны в Южном Азербайджане (Северный Иран), рассказывает о судьбе молодого интеллектуала, волею судьбы оказавшегося в гуще событий, связанных с геополитической борьбой сверхдержав за право влияния в регионе.

Ильхам Рагимов

Восточный ковер

От автора

Рустам Керими — собирательный образ иранского азербайджанца, ставшего гражданином СССР и волею судьбы оказавшегося в гуще реальной политической бури, бушевавшей на Ближнем Востоке и в иранском Азербайджане в сороковые годы XX века. Именно эти события стали первым вопросом на повестке дня новосозданной Организации Объединенных Наций, они в немалой степени послужили «толчком» к знаменитой фултоновской речи Уинстона Черчилля, опустившей над миром «железный занавес». Земли, которые одни называли «Северным Ираном», а другие, вопреки всему, помнили, что это — Южный Азербайджан, как и борьба за влияние во всем Иране, стали яблоком раздора для трех великих держав, бывших союзников по антигитлеровской

коалиции, — это и есть та тема, которая заинтересовала меня и послужила основой в написании романа «Восточный ковер». Искусство ткать ковры, так же, как и умение плести кружева дипломатии, многогранно и многолико, с присущей именно той или иной школе техникой вышивания, пестротой красок или замысловатостью узоров, что требовало от автора полнейшей сосредоточенности в описании не только исторических событий, но в раскрытии мельчайших деталей богатейшего восточного искусства, где свое достойное место нашли работы азербайджанских и иранских мастеров.

Многочисленные беседы с историками, дипломатами, в различные годы работавшими в ближневосточном регионе, родственниками участников тех драматических событий, среди которых были и граждане СССР, и бывшие подданные Ирана, оказали мне как автору огромную услугу, в связи с чем, пользуясь случаем, хочу выразить им свою искреннюю признательность. Также выражаю

свою благодарность сотрудникам Музея ковров Азербайджана за подробные рассказы о ковровых школах Азербайджана, бесценных экспонатах и узорах, чьи мистические значения и смысл невозможно было полностью пересказать в нескольких главах моей книги.

От всей души надеюсь, что читателю будет интересно проследить за судьбой главного героя так же, как за судьбой всего азербайджанского народа, становившегося на протяжении веков жертвой интриг и склок многих держав, включая Советский Союз, в составе которого Советский Азербайджан находился в течение 70 лет своей новейшей истории.

С уважением,

Ильхам Рагимов

Часть I

Глава 1

Баку. Сентябрь 1940.

Лекция Рустама Керими проходила в душной, запыленной аудитории, несмотря на довольно прохладную раннюю осень, окутавшую вечерний Баку. Такая погодная аномалия была временным явлением и, в отличие от серой, обыденной жизни лектора — искусствоведа, не могла продолжаться бесконечно долго. После пасмурных, дождливых дней, рано или поздно, выглядывает солнце. Таковы законы природы, которые невозможно изменить человеческой волей. А жизнь не всегда действует по схожей логике. В ней дожди могут лить бесконечно, а солнце как астрономический объект способно затеряться навеки. В такие минуты остается тешить себя надеждой, что когда-то что-то в твоей жизни изменится к лучшему, а потому надо жить и работать, насколько позволяют сложившиеся обстоятельства, твои знания и способности.

Перед студентами Азгосуниверситета стоял молодой мужчина неполных тридцати лет, в темно-сером костюме, белой рубашке с узорчатым галстуком, в черных ботинках с невидимыми, потрепанными шнурками. Большая копна вьющихся волос не могла скрыть зачистивших ранних седин, которых Рустам муаллим не думал скрывать, а тем более стыдиться. Главное, чтобы сохранялась опрятность и свежесть одежды,

несмотря на материальные трудности, которые лектор испытывал уже на протяжении довольно долгого времени. Намного раньше холодной, недолговечной осени за окном. Учение о красоте не должно сопровождаться мятым пиджаком, даже если его неоднократно подвергали жесткой чистке и штопке. Воротник рубашки должен сиять белизной, несмотря на их скудное количество. Всего три пары, которые приходилось после работы поочередно и быстро выстирывать, чтобы успеть подсушить и выгладить к следующим занятиям. Отягчалось это последствиями неудачного брака и другими печальными событиями из жизни азербайджанца-эмигранта, волею судьбы когда-то перешедшего советско-иранскую границу. Вернее, границу пересекал его отец, а малолетний Рустам не понимал, какими тяготами для него обернутся пройденные приграничные тропы. Материальные невзгоды, проблемы личной жизни, к счастью, для Керими глушились не алкоголем, а своим любимым делом, которому он посвятил последние десять лет своей жизни. Это было его отдушиной, спасением, смыслом его скудного существования.

— Геометрический узор вышивок состоит из различных линий, прямых, ломаных, многоугольников, включая знаменитые ромбики и звездочки, с которыми мы часто встречаемся, рассматривая национальные вышивки, — он делал

паузу, чтобы студенты успели набросать каракули в свои конспекты. — Можно заметить изображения соловья, павлина, удода, воробья, перепелки, куропатки и других птиц, обитающих в пределах Азербайджана. Более того, самка и самец какой-либо из перечисленных пород птиц является излюбленным мотивом орнамента. Это так называемый мотив влюбленных и мотив разлуки. Как вы сами знаете, любовь и разлука — одна из сильных тем восточного фольклора, которая отражается как в каллиграфии, изобразительном искусстве, литературе, так и в национальных вышивках. Данные росписи мы можем увидеть не только на ковровых рисунках или керамических росписях, но также в стенах Дворца шекинских ханов.

— Какие еще виды орнаментов характерны для национальных мотивов? — спросила девушка, сидящая в первых рядах. Она задавала вопрос, не поднимая головы, чтобы успеть записать в тетрадь все сказанное лектором.

— Конечно же, бута. Кстати, она тоже, в зависимости от расположения, символизирует тему разлуки и любви. Хотя некоторые ошибочно полагают, что бута символизирует исключительно зороастрийский огонь. Несомненно, что зороастризм имел огромное влияние на искусство народов, проживающих на территории,

охватывающей современный Иран и Азербайджан, однако он являлся не единственным фактором, влияющим на развитие живописи, ковроткачества, керамики и т. д. В этом огромном котле перемешалось множество культур и направлений. Однако, это тема следующего урока, а пока запишите основные виды вышивок, которые были распространены в Азербайджане в середине XVIII–XIX веков, — голос Керими замедлил темп, перечисляя замысловатые, затейливые названия, под стать самому методу орнаментной вышивки. — Гюлябатын (золотое шитье), тякялдуз (тамбурная вышивка), ортя (вышивка гладью), джинагы (птичий глаз), сырыма (простегивание), пиляк (вышивка блестками), тоз мунджук (вышивка бисером), чакма пиляк (штампованные бляшки), гондарма (аппликация), мялиля (спираль) и последняя тор тикмя (филейная работа). Записали? — он поднял голову, прищурился и снова продолжил. — Прекрасно. Теперь я покажу наглядные образцы, чтобы у вас было представление о форме и рисунке данных вышивок. Если кому не видно, можете подойти ближе.

Керими извлекал из плотной картонной кипы фотографии различных предметов домашнего обихода, в которых был использован национальный орнамент. Арахчыны, они же тубетейки, вышитые в Шуше и Ордубаде в XVIII–XIX веках. Различные

по размеру и расцветке патронташи, футляры для расчесок, ножниц, наперстков, табачков, занавесы, платки и прочее, прочее.

— Взгляните на это прекрасное рубенди, — Керими держал двумя руками над головой фотографию покрывала на лицо. — А вот изумительный намазлык.

Черно-белая фотография не могла передать всю красоту темно-синего молитвенного коврика, будто влетевшего в студенческую аудиторию из восточных сказок, как волшебный платок. Золотые и красные вышивки в виде цветков граната и его лепестков обрамляли края коврика, гармонично распластываясь по всему прямоугольному полотну, захватывая каждый сантиметр, ни один из которых не был лишним. Взору студентов, которым было уже не до писанины, открывалась тонкая, изящная работа мастера, имя которого никогда не будет суждено узнать истории, даже в пределах старых, учебных комнат. Таковы были правила. В отличие от Европы, где художники увековечивали свое имя на художественных полотнах, на Востоке их имена целенаправленно подвергались забвению. История одного архитектора, который зеркальным отображением высек свое имя на построенном им же здании — яркий тому пример. Никто из его современников не смог догадаться прочесть арабскую вязь в столь замысловатой манере,

поверив словам архитектора, что это новый вид орнамента. Прошли века, чтобы современные ученые смогли прочесть имя, которое высилось над именем падишаха, но было ниже высеченного имени Аллаха. Архитектор, стало быть, был человеком богобоязненным. Кто знает, может, это его и спасло от обезглавливания.

— Это саламандж, — лекция продолжалась. — Покрывало на зеркало. Шамахинская работа. XIX век. Вот еще один саламандж. Шеки. XVIII век. Всем видно? Хорошо. А теперь я вам покажу настоящую вышивку. Это не картинка. Ее можно ощутить кончиками пальцев, — он отложил в сторону фотографии и достал из правого кармана пиджака крохотную вещицу. Он смотрел на нее взглядом, в котором перемешивались грусть, радость, нахлынувшая детскими воспоминаниями, а также страх и злоба, словно это был маленький зверек, а не бездушный, пестрый предмет. — Это футляр для часов моего деда, Саида Керими. Тоз мунджук (вышивка бисером), о котором я вам сегодня рассказывал. Город Тебриз, XVIII век.

Никто из студентов не решался взять «наглядный пример» в руки, наблюдая за муаллимом*, созерцающим предмет из красного, синего, желтого бисера.

— Возьмите же, — вышел из оцепенения

лектор. — Посмотрите и передайте другим. Дергать за бисер нежелательно, — отшучивался Керими, — он может рассыпаться. Мне несколько раз приходилось его реставрировать. Вещичка не новая, сами понимаете. Это все, что осталось в наследство от моих предков.

— А что стало с самими часами? Они вам не достались? — спросила девушка, сидящая у окна. — Они были золотые? — тут же добавила она.

— К сожалению, я не смог их оставить у себя. Они были сделаны из червонного золота. Высшая проба. — Керими неуклюжим движением собрал фотографии, которые чуть было не рассыпались по прогнившему местами паркетному полу. — Только это долгая история, и к нашим орнаментам она не имеет отношения. Могу только сказать, что на часах была высечена певчая пара. Влюбленные соловушки. Тема любви и разлуки.

Стало ясно, что Керими не желает вдаваться в подробности. К тому же студенты, сидящие в аудитории, лучше многих знали: время сейчас такое, что лучше не откровенничать и порядочнее не расспрашивать. А Керими тем временем взглянул на свои советские часики, для которых не были нужны никакие орнаменты и футляры. Они предназначались для чисто прагматичных целей: отслеживать секунды, минуты и часы. Радовать глаз

изящным дизайном в их задачи не входило. Но эти простые и практичные часики показывали, что время, отведенное для урока, закончилось минуты три назад. А кража чужого времени — последнее дело для истинного интеллигента.

— На сегодня, полагаю, можем завершить лекцию. Хочу напомнить, что через две недели мы проведем коллоквиум по пройденным темам, после чего перейдем к керамике и металлическим изделиям. Мой совет тщательно проверить свои конспекты и сверить их с записями своих товарищей. Во избежание нежелательных пропусков и ошибок. Желаю всем удачи. — Керими словно сделал шаг из магического прошлого в настоящее.

Легкий гомон, шаги, и аудитория опустела. Студенты, воплощение юности с ее надеждами и оптимизмом, с непоколебимой верой в будущее и в счастье, спешили к выходу. Керими обычно задерживался минут на десять, чтобы потом выключить свет и плестись в свою каморку в коммунальной квартире, в обычном бакинском дворике, каких в городе были сотни. Уже потом, когда на советских экранах будут властвовать Джульетта Мазина и Софи Лорен, Андриано Челентано и Марчелло Мастоияни, эти дворики станут называть «итальянскими», а бакинцы, переселившиеся в советские «новостройки», с

изолированными квартирами и индивидуальными удобствами, но лишённые неповторимого колорита, будут свято уверены, что их родные дворики — шумные, крикливые, со вздымающимися к верхним этажам шаткими лестницами, с которых немудрено упасть и свернуть шею, где все соседи знали все друг о друге, порой не зная ничего о себе — это и есть воплощение итальянского колорита, такого очаровательного на экране и в детских воспоминаниях, но, увы, малоприятного в жизни. Но это будет уже потом, а пока что Керими ненавидел этот двор, в котором видел воплощение своего, увы, незавидного положения в стране, где все просто обязаны были быть счастливы, а диспуты «может ли существовать трагедия как литературный жанр в стране победившего пролетариата» считались вполне обычным делом. Он надел легкий, кремовый плащ, рефлекторно нащупав под левым рукавом небольшой дефект, доставляющий немислимые душевные страдания. Керими не мог его заделать, залатать, заштопать, зашить. Несмотря на то, что эта дырочка под мышкой плаща не была видна чужому глазу, она казалась следом пулевого ранения, ранившего не тело, а душу. Но душа кровоточила и болела ненамного слабее. Сын богатого купца, теперь должен носить свои же обноски. Но куда страшнее бедности была безысходность. Ему неоткуда ждать

помощи. Полнейший тупик. Но пока нужно дождаться завтрашнего дня, чтобы рассеялись небесные тучи и вышло солнце. Тогда уже снова можно будет повесить ненавистный плащ в шкафчик, и пусть грызут его моли. Такие мрачные мысли одолевали его каждый вечер, особенно когда приходилось подниматься по скрипучей лестнице на свой этаж, который надо было делить еще с двумя семьями.

— Добрый вечер, Рустам, — засияла одна из соседок. Разведенная толстушка, никаких эмоций у Рустама не вызывающая. Он же, видать, воспламенял в ее памяти ее первую, а может, не первую любовь.

— Здравствуй, Сима, — буркнул в ответ Рустам и поплелся в свою комнату.

— Грязное белье есть? У меня сегодня стирка.

— У меня все чисто.

Он закрыл за собой дверь и оказался снова в своей комнате, в которой по мере сил хотел создать уют и спокойствие. Кровать, письменный столик с ворохом картинок и фотографий, которые он периодически показывает студентам, несколько ковриков, устлавших пол и стены, которые спасали от сырости и большой хандры. Он устало сел на стул, стоящий у самой двери, успев до этого отбросить ненавистный плащ в сторону. Надо его порвать в клочья, если даже очень холодно.

— Вышивка бисером, — как-то невпопад произнес Керими, закрыв лицо руками.

— Рустам, Рустам, — послышался резкий стук в дверь.

— Что случилось? — с плохо скрываемым раздражением спросил Керими.

— Все же дайте рубашку, — в дверном проеме появилась голова воздыхательницы. — Я же вижу, как плохо вы стираете. Вы это не умеете. Вы тонкая натура, Рустам. Надо беречь эту природу. Мне все равно вещи замачивать. Снимите рубашку.

Он ничего не сказал. Пришлось повиноваться, тем более стирать сейчас ему совсем не хотелось, впрочем, как и всегда.

— Так-то лучше, — обрадовалась соседка, словно ее одарили дорогим презентом.

— Спасибо, Сима.

Дверь закрылась. Он лег на кровать, упираясь пустым взглядом в потолок. Жизнь теряла смысл с каждым новым часом.

Глава 2

Примерно в половине десятого утра Керими вышел из превращенного в мусорную свалку подъезда и направился неторопливым шагом в свое учебное заведение, где предстояло прочесть несколько лекций «очникам» и студентам вечернего

отделения. Солнце не забыло о своем существовании, и это радовало Рустама: можно было обойтись одним костюмом и тщательно выстиранной рубашкой. Сносный галстук, стойкие ботинки, коричневый портфель, нашпигованный рисунками и фотографиями всякой всячины от средних веков до наших дней. Что еще нужно для легкого вкуса почти неуловимой радости? Он шел минут пятнадцать и ни о чем не думал, потому что раздумья не вносили в его жизнь ярких красок. И не услышал, как рядом, совсем у тротуара, остановилась машина, и из нее вышел рослый мужчина в штатском. Суховатое лицо, пронизательный взгляд. Такие неспроста встают у тебя перед носом. Керими заметил незнакомца, который быстрым шагом пересек тротуар и оказался лицом к лицу с лектором-искусствоведом. Рустаму стало немного не по себе. В памяти всплыли тревожные кадры из прошлого, когда в их отцовскую квартиру ворвались похожие люди. Они, правда, носили военную форму, но в том, что и этот незнакомец именно «в штатском», а не «гражданское лицо», Керими не сомневался. И только сейчас осознал: ведь эта машина следила за ним всю дорогу. Не то чтобы он ее не видел — просто не обращал внимания, а вот теперь, когда крепкий незнакомец оказался перед ним, вспомнил все.

— Вы Рустам Керими? — сразу же спросил незнакомец.

— Да. Чем обязан? — на лице Керими против воли отразилась тревога: голос предательски дрогнул.

Человек в штатском подошел ближе.

— Моя фамилия Привольнов, — перед глазами Рустама быстро мелькнуло удостоверение. — Яков Сергеевич Привольнов. Я из НКВД*. Нам нужно с вами переговорить по чрезвычайно важному делу.

— Я в чем-то провинился? — Рустам ощущал, как взмокла от пота рубашка. Он этого не любил. Придется терпеть. Он привык терпеть. Все-таки это мелочь.

— Пока нет, — сухо ответил Привольнов. — Но побеседовать все же придется. Будет лучше, если мы отойдем чуть в сторону и не будем привлекать лишнего внимания.

Они стояли в середине тротуара, недалеко от булочной. Мимо проходили люди. Большого внимания на Привольнова и Керими они не обращали, но тем не менее офицер госбезопасности решил пройтись до тенистого скверика со скамейками и отключенным фонтаном. Мимо прокатила небольшая, квадратная будка на подшипниках. Ее катил низкорослый, смуглый мужчина, покрикивая с хрипотцой по сторонам:

«Исти пиражки, исти пиражки»**. Будка на подшипниках работала круглый год. Летом он продавал в ней мороженое, напичкав внутрь сухого льда. Керими часто его видел, но так ни разу ничего у него не купил. Сейчас ему вообще было не до пирожков и мороженого. Он никак не мог понять, о каких чрезвычайно важных делах с ним могут говорить сотрудники госбезопасности. О вышивках? Керамике? Коврах? Если бы его сразу же посадили в машину и увезли в неизвестном направлении, это было бы понятно. Такое, увы, случилось со многими. Но «поговорить»?

— Вы, как нам известно, родились в Иране, Рустам Шафиевич? — начал Привольнов, усаживаясь на пустующей скамье синего цвета. — В городе Тебризе. Это Север Ирана, или Южный Азербайджан.

— Вы не ошиблись.

— Ваш отец, Шафи Керими, был довольно зажиточным купцом.

— Было и такое, — нехотя кивнул Керими. Жазиточный купец — это уже «социально опасный элемент», года три назад такого происхождения уже было достаточно для десяти лет без права переписки по 58-й статье.

— У вас много родственников в Иране?

— Немало, но с ними уже давно потеряна связь.

— Как давно вы не имели контактов со своими родственниками в Иране?

— С момента переезда в Советский Союз. Нам запрещалось писать письма и давать свой адрес кому-то ни было из Ирана.

— Кем запрещалось? — вопросы Привольнов задавал профессионально, словно строчил из пулемета.

— Мой отец делал все возможное, чтобы защитить себя и свою семью от нежелательного внимания со стороны недоброжелателей, каких было очень много как там, так и здесь.

— Какие из самых близких родственников остались в Иране?

— Моя сестра. Отец не взял ее, когда переезжал, оставив ее на попечении у своей сестры.

— Почему?

— Отец считал, что девочке необходимо женское воспитание. Моей матери не было уже тогда в живых, и он оставил дочь в доме родной сестры, моей тетушки Эсме. К тому же он не знал, что его ждет здесь, вдали от дома.

— Но вас же он взял с собой.

— Мужчина обязан испытывать трудности в жизни и уметь их преодолевать. Этому он меня учил с детства, поэтому и решился взять с собой, несмотря на мой юный возраст.

— Вы виделись после переезда в Советский

Азербайджан со своей сестрой или тетей...гм...Эсме?

— К сожалению, я ничего не знаю об их судьбе, — Рустам нервно сжимал в руке ручку портфеля.

— Вам бы хотелось снова встретиться с ней? — Привольнов наблюдал за мальчишками, которые передразнивали продавца пирожками.

От неожиданности Рустам чуть растерялся, но быстро овладел собой.

— Есть такая возможность?

— Вероятность вашей встречи существует, — без эмоций отвечал офицер в штатском. — Сестра ваша жива, здорова. У нее семья, четверо детей. Мы знаем ее адрес, и в случае благоприятно сложившихся обстоятельств вы снова можете ее увидеть.

— За какие заслуги? — насторожился Рустам, осознавая, что подарки за просто так в НКВД не дают.

— Об этом с вами поговорят позже, — пояснил Привольнов. — Могу только сообщить, что в данный момент нам необходимы люди, так или иначе связанные с Ираном, знающие фарси. Кстати, вы владеете фарси?

— Я знал его в совершенстве. Уже год, после смерти отца я не имел возможности практиковаться на нем и немного подзабыл. Отец старался, чтобы я

не забывал языки, какими владел, повторяя, что может наступить час, когда языковые знания могут пригодиться.

— Ваш отец был дальновидным человеком. — Привольнов чуть прищурился, когда луч солнца отразился в окне жилого здания напротив. — Такой момент уже наступил. У вас будет еще достаточно времени, чтобы вспомнить все ваши навыки. К вам будет прикреплен инструктор, с которым вы будете ежедневно изучать фарси, включая специальные, технические, медицинские, политические термины. Помимо этого, вы пройдете специальный курс по владению оружием, хотя не думаю, что вам это может пригодиться. Тем не менее, порох надо всегда держать сухим. С вами будут работать инструкторы, которые научат вас ориентироваться в толпе и замечать недоброжелателей, которых тоже будет достаточно много. Я должен вас предупредить с самого начала, что работа, которую ведет наше правительство, направлена на то, чтобы не дать нашим врагам посягать на завоевания пролетарской революции, — вербовка без пафоса, как сад без цветов. — Мы сейчас находимся во вражеском окружении стран, где власть по-прежнему в руках реакционной буржуазии. Каждый хочет нам навредить, и мы в свою очередь не должны им этого позволить. Вы ведь знаете слова Владимира Ильича Ленина: «Каждая

революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Мы обязаны защищать себя. И иногда наносить упреждающие удары. Лучшая защита — это, как известно, нападение.

— То, о чем вы говорите, для меня новинка. Я могу не справиться, — Керими сделал слабую попытку «соскочить».

— Справитесь. Мы следим за вами уже три месяца. Если бы у нас были сомнения, мы бы вами не заинтересовались. У вас прекрасные данные для работы такого рода.

— Я преподаю искусство, а не военное дело. — Рустаму все казалось смертельно опасной авантюрой, в которую его вовлекали без его желания.

— Вот именно. Ваши глубокие познания в искусстве Востока нам очень сильно пригодятся. Вам сообщат, в какой сфере вы будете работать и за что будете нести ответственность.

— Вы не учитываете того, что я могу отказаться. — Рустам искоса посмотрел на собеседника. «Исти пиражки, исти пиражки». Продавец пытался избавиться от надоедливых юнцов, преследовавших его по пятам. Он уже привык к оскорблениям людей различного возраста, несовершеннолетние — не исключение. Главное, чтобы был «алвер»*, остальное можно сглотнуть. Наверное, иногда в жизни каждый ощущает себя на

месте этого продавца, когда порой приходится сглотнуть оскорбления более сильных.

— А вот ломаться, как девка на выданье, не стоит, товарищ Керими, — Привольнов поднял правую руку, чтобы скрыть глаза от беспощадного солнца.

— Иначе? — тон Керими был ни робким, ни смелым, где-то посередине.

— Всегда можно найти другие методы, но лучше до них не доводить, — поморщился офицер ГБ. — Вот народ пошел странный. Ему создают все условия для достойной жизни, а он еще огрызается.

Дипломатия Привольнова сменилась характерным для специфики его работы напором.

— Я не отказываюсь, я только спросил...

— У меня не надо этого спрашивать, — злился Привольнов. — Я только информирую вас о том, что с вами будет вестись обстоятельная беседа. И хочу дать вам совет: вот тому человеку не надо показывать своих сомнений, а тем более говорить об отказе. Вы разведены со своей женой, у вас мало родственников здесь и совсем нет друзей, но у вас есть дети, товарищ Керими. Трое, если не ошибаюсь. Подумайте об их благополучии. Учитывая важность данного задания, при добросовестной работе вам и вашим детям будут созданы все необходимые для проживания условия. Советское правительство обеспечит вас льготами,

сторону припаркованного у обочины дороги автомобиля. Керими смотрел вслед удаляющейся фигуре офицера в штатском. Плечистый, огромного роста, уверенный в себе молодой человек. Рустам может обрести такую уверенность, если даже не обладает формами исполина. Он что-то хотел крикнуть вдогонку, пока силуэт Привольнова не исчез за ветвями плакучей ивы, но осознал, что спросить и сказать ему сейчас нечего. С ним оставались только его раздумья. Претерпеть столько лишений и обрести заново путь к самоуважению за то, что станет клеветником убийцы его отца. Да, отец ушел из жизни добровольно, но ведь это они довели его до самоубийства. Он выпил яд, потому что не хотел гнить в подвалах НКВД, оставив предсмертную записку сыну с обычной просьбой простить и не судить его строго, потому что его будет ждать еще более строгий суд. У него не оставалось выбора, за него все решили. Даже лишили работы без его ведома. Теперь ему вообще не на что будет жить, если он не примет их условий. А еще дети. Трое. Два мальчика и дочь. Он редко их видит. Мать винит неудачника отца, хотя винить его она не вправе. Она выходила замуж за вполне обеспеченного человека, но судьбе было угодно, чтобы все в одночасье поменялось. Она была не из декабристок, которые ехали за мужьями в Сибирь. Теперь судьба снова затеяла с ним

странную игру. Его будущий успех зависит от политической игры, в которую вовлечены сильные мира сего, и он в этом механизме должен играть не последнюю роль. Иначе вряд ли с ним так бы цацкались.

Он вспомнил, что рядом с ним его портфель с учебными фотографиями. Стало грустно. За эти годы он привык к студентам. Они его тоже уважали и любили за интересные лекции, за мягкий, незлобный характер. Он больше не будет посещать эту аудиторию. Все начиналось с нуля. Главное, чтобы теперь дорога пошла вверх, а не вниз.

Глава 3

*Москва. Кремль.
Сентябрь 1940.*

«Хозяин» сидел в рабочем кресле своего кремлевского кабинета и покуривал незабвенную трубку. В последнее время его мысли были заняты вопросами международного положения. После бурных политических процессов тридцатых годов опасаться «фракционной борьбы» и заговоров внутри коридоров ЦК и Кремля уже не приходилось, но в том, что «внешнее кольцо врагов» — это, увы, не пропагандистский штамп,

сомневаться тоже не стоило. В особенности теперь, когда немецкие самолеты бомбят Лондон, европейские страны одна за другой стираются с карты мира, а по ту сторону новой советской границы уже не Польша, а Германия. Начистоту говоря: в реальность немецкой агрессии он не верил, несмотря на все донесения советской разведки, поступающие из различных уголков мира. Но не верить не означает не сомневаться. И эти сомнения мешали думать: любые умопостроения по поводу возможных политических комбинаций на внешней арене раз за разом упирались во все тот же тупик. Выдержит ли страна, если все-таки Гитлер атакует западные рубежи, а Япония как сателлит нападет с Востока? И что тогда делать с южными рубежами? Немецкие эмиссары уже давно облюбовали дворец Реза шаха и тянут лапы к нефтяным месторождениям севера Ирана, а оттуда и до Баку, нефтяного сердца СССР, рукой подать. А без нефти самая лучшая боевая техника превращается в бесполезную грудку металла. Чтобы не опоздать, надо торопиться, но чтобы добиться полного успеха, спешить ни к чему. Трудная дилемма, почти нерешаемая.

Через несколько минут должны были появиться нарком иностранных дел Молотов и первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Мир Джафар Багиров с последней информацией о

событиях по ту сторону Аракса. Вообще-то река эта называлась Араз, в «Аракс» ее переименовали армяне, которых Российская империя активно переселяла из Ирана и Турции на новообретенные земли Азербайджана, но и в России, и в СССР на русском языке эту реку требовалось именовать исключительно по-армянски. Сломать эту традицию в Северном Азербайджане удалось только в 1989 году, но по понятным причинам «отец народов» этого знать еще не мог. Челночные рейсы Багирова в Москву усилились по мере возрастания интересов Советского Союза к Средневосточному региону, в пределах которого находился Южный Азербайджан, отторгнутый от Северного в 1813 и 1828 годах по условиям Гюлистанского и Туркменчайского мирного договоров. Произошло это еще в бытность Александра Сергеевича Грибоедова послом России в Персии. Земля и народ были разделены, как сдобный пирог, где каждому из участников дележа досталось много вкусного в виде нефти, газа, драгоценных металлов и иных стратегических материалов, без которых не выиграть ни одну войну. Север достался Российской империи, Юг получил Иран. Но когда съедаешь полагающуюся тебе по понятиям долю, то волей-неволей заришься на кусок другого и хочешь отломить чуток от его пирога. Отломить так, чтобы на запах не прибежали

другие едоки, ничуть не слабее тебя и аппетитом не обделенные. А уж в чем-чем, а в отсутствии геополитического аппетита Сталина обвинить было нельзя. Он прекрасно понимал, насколько важен данный регион для усиления мощи страны, которой он правил, какие неиссякаемые природные богатства находились в прямой видимости от южных границ. Сколько политических и военно-стратегических выгод можно было приобрести, установив свой контроль над территорией Северного Ирана, а точнее, в контексте последних событий, Южного Азербайджана! Если проникнуть в глубь этой территории, открывалась великолепная перспектива и далее расширять границы и без того исполинской страны. Присоединять к себе новые страны, как громадный магнит, притягивающий бессильные железные предметы, меньшие по размеру, но ничуть не теряющие своего огромного значения. Захватив Север Ирана, далее приблизиться к границам Турции, урвать от нее Карс и другие восточные провинции, а потом дальше и еще дальше до самого Индийского океана, где можно посягнуть на бывшие английские колонии. Большие аппетиты, большой желудок, большие территории, большая игра и алчные, жестокие игроки. Только бы Гитлер не нарушил планы и договоренности с Советским Союзом, тогда многое можно успеть без

лишней суеты.

— Товарищ Сталин, — отрапортовал личный секретарь Александр Поскребышев. — Прибыли товарищи Молотов и Багиров.

— Пусть войдут, — струя табачного дыма стрелой метнулась к потолку.

Дверь открылась. Молотов и Багиров вытянулись по стойке смирно, ожидая дополнительного разрешения войти. У каждого в руках была своя папка с документами, и почти все с грифом «строго секретно». Небрежным взмахом руки «вождя народов» разрешение было получено.

— Здравствуйте, товарищ Сталин, — поочередно поздоровались Молотов и Багиров.

— Выглядишь усталым, Мир Джафар, — Сталин держал трубку в рабочей правой, внимательно всматриваясь в лицо Багирова.

— Я не устал, Иосиф Виссарионович. Только с самолета.

— Вот как! — воскликнул Сталин. — Ты теперь часто будешь ко мне летать. Не надоест ли?

Любил вождь задавать вопросы с подковыркой, ожидая реакции «подопытного». Насколько ответ будет приемлем? До какой красной черты поднимется показатель смелости или в какой точке замерзания засядет страх? Малодушием это нельзя было назвать. Не было человека в Советском Союзе, который бы не боялся

Сталина, но трусом в общепринятом понимании при этом не был: Сталина боялись, и те, кто не раз доказал свою храбрость на полях сражений и первой мировой, и гражданской войны. Тысячи раз на них смотрели дула ружей и штыки врагов, и им было плевать, но смотреть в глаза «вождя народов» без дрожи в коленках они не могли. Чересчур смелых Сталин не любил, он их уничтожал, слишком трусливых тоже не жаловал, потому что им нельзя было поручить ответственный участок работы. Нужно было держаться золотой середины.

— Великие дела не надоедают, Иосиф Виссарионович, — сердце Багирова бешено колотилось, несмотря на все внешнее хладнокровие.

— Хорошо, — подходящий ответ Сталину понравился. — Присаживайтесь.

Каждый знал свое место. Молотов сел по правую руку от хозяина, Багиров расположился напротив. Раскрылись папки с последними разведывательными данными.

— Что говорит посольство? — Сталин первым обратился к Молотову. Наркоминдел знал, о каком именно посольстве спрашивает «отец народов» — речь шла о советской дипмиссии в Тегеране. — Смирнов сообщает о переговорах немецких эмиссаров с шахом. Наше доверенное лицо из окружения Пехлеви представил информацию о том,

что шах делает все возможное, чтобы отдать нефтяные концессии Северного Ирана Германии. В то же время немцы собираются построить дорогу, пролегающую через горные хребты, и связать Тегеран с Каспийским морем. И самое любопытное — эта дорога будет представлена как германский дар иранскому государству, а строительство будет идти с привлечением лучших немецких инженеров-строителей и иранских рабочих. Ее собираются строить исключительно на немецкие деньги.

— Подарить кролика, чтобы получить верблюда, — заметил Сталин. — И вплотную приблизиться к советским границам. Чтобы тяжелая бронетехника вермахта и корабли смогли беспрепятственно прорвать наши южные рубежи. Ты думаешь, они нарушат договор?

— Этого нельзя исключать, принимая во внимание, что активизировалась группа Балдура фон Шираха, главы молодежной организации Германии. Они выпускают журнал «Иране Бастан», в переводе «Древний Иран», и руководит иранским филиалом некий Сейфа Азад. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о некотором заигрывании Ирана с Гитлером, с возможными нежелательными для нас последствиями.

— Это возможно, если мы будем спокойно взирать на происходящее и сами дадим им повод

нас атаковать. Гиена может утащить у спящего льва его добычу, — Сталин отложил трубку. — Что еще говорит Смирнов?

— Он также сообщает о том, что англичане проявляют интерес к новым нефтяным месторождениям на юге страны, в Белуджистане, несмотря на то, что у них уже есть там совместные концессии, — продолжал Молотов. — Англичан можно распознать на глаз. Их очень много в самом Тегеране и среди них также по данным разведки есть много геологов-нефтяников.

— Англичанам всегда всего мало — им новые скважины подавай, — проворчал «хозяин». — А что американцы? Их не так много, как англичан?

— Их меньше, товарищ Сталин, но они тоже присутствуют. Куда без них.

— Мозгов у них меньше. Англия — это мозги, а Америка — мускулы. Когда Рузвельт почует запах денег, он даст легкого пинка под зад этому жирному борову, — при этих словах Сталин громко затрясся от смеха, вызвав легкую улыбку своих подчиненных. — Представляю, как паралитик дает под зад толстяку. В висячем положении с коляски. А коляску будут держать Бирнс и верный Гопкинс-Жопкинс.

Сталин с неработающей левой рукой не мог при удобном случае, в узком кругу, не «пройтись» по поводу физических недостатков глав ведущих

мировых держав, о которых еще не мог с уверенностью сказать, союзники они ему или противники. Если бы Рузвельт услышал комментарии Сталина, он мог бы с достоинством оценить черный юмор генсека, так как больше всего на свете ненавидел малейшие проявления жалости к своему физическому состоянию. «Без соплей!» — рычал Рузвельт, если замечал хоть малейший плаксивый взгляд, навеянный последствиями детского полиомиелита. Также можно было заменить букву «Г» на «Ж», и тогда главный помощник Рузвельта Гарри Гопкинс превращался в то, что вызывало у Сталина приступы истерического смеха.

— Что у тебя? — перестав смеяться, Сталин обратился к Багирову.

— Все ваши поручения, Иосиф Виссарионович, выполняются в срок и надлежащим образом, — начал Багиров. — А именно товарищами из ЦК КП(б) Азербайджана и Комиссариата внутренних дел республики отбираются люди, которые поэтапно будут отправлены в Иран для осуществления спецзаданий самого различного спектра. Люди проходят тщательный отбор, с ними ведется обстоятельная беседа о целях и задачах советского правительства в ближневосточном регионе. Учитывая специфику Ирана и особое внимание к нему со стороны

разведывательных структур других стран, отбираются в основном азербайджанцы. Они не будут иметь языковых проблем с южными азербайджанцами, а также схожи этнически с другими народами, населяющими Иран. Это затруднит работу разведслужб противников в определении количества наших граждан, работающих на территории Ирана и их цели, — четко, без спешки докладывал Багиров. — Также по вашему поручению, Иосиф Виссарионович, предварительно определены группы и их руководители, которые будут осуществлять задания партии и правительства в Южном Азербайджане и самом Тегеране. Здесь личные дела каждого из этих руководителей, представленные вашему вниманию, — Багиров по одному вытаскивал скрепленные бумажные листы с фотографией в верхнем правом углу. — ЦК КП(б) республики предлагает Сулейману Рагимову возглавить пропагандистскую группу.

— Испытанный боец? — «хозяин» внимательно изучал личное дело представленных ему лиц.

— Так точно. Проверяли не раз.

— На пост руководителя хозяйственно-административной группы предлагается направить Мейбуллу Амирасланова. Агасалима Атакишиева — в группу специальных

операций, Мустафа Гулиев может руководить санитарно-медицинской группой. Также необходим редактор армейской газеты, которую планируется выпускать на азербайджанском языке. — Багиров говорил без запинки, несмотря на волнение. Решалась не только его судьба, но и судьба целого народа. — Как вы верно заметили, Иосиф Виссарионович, если Западная Украина и Западная Белоруссия были присоединены к Советскому Союзу в 1939 году, почему этого не может произойти с Южным Азербайджаном теперь? Для этого необходима хорошая агитация. Газета, которую мы будем выпускать в Тебризе, будет служить именно этой цели. Товарищи из Южного Азербайджана будут знать о преимуществах социалистического строя, о достижениях Советского Союза и его союзных республик, тем самым в народных массах укрепитя желание воссоединения Южного и Советского Азербайджана. Для этой цели предлагаем на должность редактора выдвинуть товарища Мирзу Ибрагимова. Писатель. Хороший мастер слова, так же, как и Сулейман Рагимов.

— Кто будет возглавлять все перечисленные группы?

— Учитывая всю сложность поставленной задачи, руководителем всей миссии должен быть человек опытный, прекрасно знающий партийную и

оперативную работу. Полагаю, что с такой задачей может справиться товарищ Азиз Мамедкерим оглу Алиев.

— Третий секретарь ЦК КП(б) Азербайджана? — Сталин изучал личное дело Азиза Алиева.

— Так точно, товарищ Сталин, — отвечал Багиров. — Азиз Алиев проверенный товарищ, имеет прекрасную партийную характеристику.

— Сколько примерно людей необходимо мобилизовать для отправки в Иран?

— По нашим подсчетам, около 3000–3500 гражданских лиц, которые будут разделены на бригады. В бригады будут входить партийные работники, сотрудники госбезопасности, милиции, работники типографий и издательств, прокурорские и судейские работники, а также железнодорожники и геологи-нефтяники. Тем самым наши товарищи помогут наладить в Южном Азербайджане исполнительную, законодательную, судебную системы власти, а также будут вовлечены в строительство железных и шоссейных дорог, которые свяжут города Южного Азербайджана, что будет способствовать оперативным контактам между нашими людьми по всему участку дислокации Красной Армии.

Сталин доверял своему сатрапу. Мир Джафар Багиров был подобием своего кремлевского

хозяина, только ограниченный пределами одной союзной республики. Уже потом о его жестокости и кровожадности будут слагать легенды и рассказывать множество историй неустановленной, точнее, неустановимой достоверности, а историки испишут горы бумаг в поисках ответа на вопрос, был ли Багиров кровавым палачом или же просто играл по предложенным правилам, по мере сил защищая интересы собственного народа. И сойдутся лишь в одном: Багирова, при всей его беспощадности, нельзя было обвинить в презрении к своей Родине, которой часто грешат личности, напичканные либеральной водицей. Он понимал цели и задачи страны, он знал правила игры и поступал так, как, по его мнению, должен был поступать. В конце концов Мир Джафар Багиров был человеком своего времени, увы, далеко не «вегетарианского», и это было трагедией первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана, приведшей его годами позже туда, куда он сам хладнокровно посылал многих — к расстрельной стене.

Но все это будет уже потом. А пока...

Сталин небрежно подвинул личные дела потенциальных руководителей «иранской миссии» в сторону Молотова.

— Отдадим Поскребышеву. Пусть еще раз проверит тщательно все кандидатуры и доложит мне. Поскребышев буквоед, ничего не упустит.

Это была еще одна игра «хозяина». Проверка на бдительность. Все, кто подлежал отправке, были давным-давно тщательно проверены и перепроверены.

Потом Сталин снова обратился к Багирову.

— Ты получил карту? — Сталин имел в виду географическую карту предполагаемого места переброски советских войск на территорию Иранского Азербайджана.

— Получил, товарищ Сталин. Разрешите подойти, — Багиров вытащил из папки сложенную вчетверо карту и развернул ее. — Пятое управление Красной Армии подготовило все до мельчайших деталей. Изучен каждый метр границы и глубина рек. Вот здесь, на участке слияния Араза с Гарасу и горами Гараджаг, можно применить все виды войск, включая тяжелую бронетехнику. Здесь труднопроходимые участки. — Багиров указывал на горные вершины от Карадага до Астары. — Все окружено зарослями и лесами. За исключением горных перевалов, на этом участке невозможно даже использовать пехоту. Также нашими людьми изучается и подготавливается схема городов, где будут дислоцированы советские войска. Через месяц окончательные схемы городов с названиями улиц, торговыми кварталами, жилыми домами и даже адресами многих генералов иранской армии будут представлены вам.

Сталин несколько минут смотрел на географическую карту и молчал. Наверное, он уже четко представлял в этот момент кадры переброски советских войск в соседнюю страну, но вряд ли мог предвидеть, сколько потрясений и споров вызовет оккупация Ирана Советским Союзом. Первый вопрос, обсуждаемый ООН, и фултоновская речь Черчилля, ставшая предтечей «холодной войны», будут результатом споров великих держав именно из-за событий вокруг Южного Азербайджана. Но до этого еще предстояло преодолеть множество преград, включая совместную борьбу против нацистской Германии, у которой тоже был свой интерес в Иране, где США и Великобритания будут главными союзниками Сталина.

— Конечно, еще не все ясно в Иране, — сухо выговорил Сталин. — Но мы не отступим от своих целей. Обо всех дополнительных деталях подготовки мобилизации наших товарищей в Иран докладывать незамедлительно мне, а также товарищам Молотову, Берии, Маленкову. Правительство сделает все необходимое для успешного хода операции на территории Северного Ирана, которая, надеемся, вскоре станет советской землей. Мы преследуем благородную цель, а именно справедливое воссоединение разделенного народа. Безусловно, не обойдется без происков внешних и внутренних врагов, которые будут

чинить всяческие препятствия на нашем пути. Чтобы они не помешали достижению наших целей в Южном Азербайджане, необходима координация деятельности всех структур, вовлеченных в эту операцию, а именно Наркомата иностранных дел, армии, НКВД, наших дипломатических представительств, а главное, проверенной резидентуры. На данном этапе развития нашей страны — это наиглавнейшая задача, — правая ладонь вождя рефлекторно была сжата в кулак. — Спасибо за проделанную работу, Мир Джафар. Ни на минуту не теряй бдительность и не забывай: ты сейчас на переднем крае борьбы.

— Можете в этом не сомневаться, Иосиф Виссарионович, — рапортовал Багиров. Он был счастлив, что «хозяин» был доволен проделанной работой. — Все ваши указания будут выполнены надлежащим образом.

— Хорошо, — вождь откинулся на спинку кресла. — Можете идти.

Молотов и Багиров неспешно собрали бумаги в папки и направились к выходу. Послышались постукивания и легкий смешок. Они остановились и робко посмотрели в сторону генсека. Он продолжал смеяться и выбивал остаток горелого табака из трубки в хрустальную пепельницу. Сталин заметил удивленные взгляды Молотова и Багирова, даже не поднимая головы и в таком же

положении, с улыбкой под пышными усами он сделал жест, мол, «идите, не стойте». Гости повиновались и вышли из кабинета. Временами на вождя народов находили приступ грусти или неожиданного веселья. Возможно, он вновь вспомнил советника президента США Гарри Гопкинса, а может, он смеялся над чем-то другим.

Глава 4

Дневной свет скудно проникал в комнату Рустама. При таком освещении невозможно было читать даже в летний полдень, а бриться в осеннее утро перед трюмо было вовсе делом неблагодарным. Можно ненароком полоснуть подбородок бритвой, не заметив в полумраке кровь, размазать ее по лицу и в таком виде выйти на люди. Или же оставить куски недобритой щетины и пены на челюсти, за ушами, появившись перед взором изумленных студентов, которые вплоть до получения диплома будут вспоминать нерасторопного, неряшливого учителя. Сегодня надо быть более внимательным к своему внешнему виду. На него будут смотреть совсем другие глаза. Они не будут напоминать игривый взгляд студенческой беззаботности или молодой, наивной бравады. Это будут глаза матерого «волка», от которого не ускользнет даже незаметная царапина

под челюстью. Он будет ощущать ее запах, чувствовать вкус, слышать, как бьется сердце Керими. Поэтому Рустам брился в коридоре, который по совместительству являлся гостиной и кухней одновременно. Здесь всегда было светло, даже в пасмурную погоду, и, к удивлению, чисто, несмотря еще на одного соседа, не отличающегося аккуратностью.

Рустам придерживал в левой руке любезно предоставленный соседкой-воздыхательницей кусочек сломанного зеркальца, а правой аккуратно водил по щеке опасной бритвой. Зеркалом это было трудно назвать. Это был лишенный формы режущий предмет, с трещинами и пятнышками, которые невозможно было вывести. Им можно было даже убить человека, воткнув острие по самое сердце. Порой Рустам даже мысленно рисовал себе картины, как неразделенная любовь Симочки-соседочки может привести его к такому плачевному результату. Соседочка, конечно, на такое бы не пошла. Очень уж сильно она любила этого скромного, даже где-то робкого мужчину, с которым судьба начинала новую игру, в правила которой его должны были сегодня полностью посвятить.

— Какая же вы чудесная, Симочка, — Рустам был искренен. — Все чисто до блеска. Не знаю, в каком свинарнике мы бы жили, не будь такой

хозяйки.

— У вас мягкая рубашка. Ее надо погладить, — словно не слыша комплимента, отвечала соседка.

— Не стоит. Все равно останется под пиджаком и не будет видно.

— Как так возможно, Рустам? Такой красивый мужчина и будете ходить неглаженным. Не позволю.

Не получив еще официального разрешения, она поставила чугунный утюг на газовую плиту. Скрипнула дверь. Из комнаты напротив вышел еще один сосед. Личность неприятная. Рустам старался не здороваться с ним, не говоря о том, чтобы пускаться в дружеские беседы. Костлявый, словно перенес дизентерию, в грязной майке, которую Сима никогда бы не взялась стирать, рваных тапках, он мог достойно заменить пугало в огороде. Это не Рустам, а отброс общества, а у отбросов слуг не бывает, поэтому ему некому стирать, а самому неохота. Таких обычно селят с нормальными людьми, чтобы отбросы стучали на соседей в НКВД и передавали властям, о чем народ шепчется на кухне, в коридорах, спальнях. Налаженная система всесоюзного постукивания друг на друга себя оправдывала. Много ценной информации красные комиссары получали от таких пугал. Возможно, даже Привольнов имел беседу и с этим кадром, прежде чем выйти на прямой разговор с Керими. А что он вообще мог сказать про Рустама, если ничего

про него не знал? Да черт с ним, лишь бы только не мелькал перед глазами. Несет от него за километр, как от помойки.

— Ты чего, ослеп? — взревела Сима, заметив, что сосед бросил окурочку мимо мусорного ведра. Видно, дрожала рука с похмелья. — Не видишь полчистый. Только убрала.

— Да пошла ты, — огрызнулся мужчина, раскрывая беззубую пасть.

— Подними, кому сказала.

Он хотел было зайти обратно в комнату, но женщина схватила его за шею, пригнув его голову к самому окурочку.

— Подними, скот. Ты же меня знаешь, ублюдочек, не отстану, пока не поднимешь. Бери свою поганую папироску и в ведерочко. Медленно и в ведерочко. В ведерочко, я сказала. Так-то лучше.

Сосед без имени. Сима его называла Чертиком. Он ее боялся, поэтому, не искушая судьбу, поднял окурочку и бросил куда полагается, после чего снова заполз в свою нору.

— Руки помойте, — заулыбался Рустам.

— Да привыкла уже об него мараться. Черт недобитый, никак не подохнет, только гниет и воняет на ходу. Житья нам нет.

Рустам заметил грустный взгляд женщины, у которой вся жизнь прошла в борьбе за поднятие

окурков с пола. Он ее понимал, но, к своему сожалению и где-то стыду, ничем ей помочь не мог. Он не любил эту женщину и вообще после своей жены относился к прекрасному полу с определенной настороженностью. Когда его жена-красавица тоже его обхаживала примерным образом, он был на седьмом небе от счастья. Что из этого вышло — только кривое зеркало в руке и добрая соседка, греющая на плите тяжелый утюг.

— Отдайте рубашку, Рустам, пока утюг не остыл.

* * *

Он выбежал на улицу, оглядываясь по сторонам, пытаясь найти машину Привольнова. Ее в ближайшей видимости не оказалось. Зато сам Привольнов стоял за углом и терпеливо его поджидал. Вскоре Рустам тоже его заметил. Яков сделал скрытый жест следовать за ним.

— Пройдемте немного, — офицер заговорил, когда Керими поравнялся с ним. — Машина за следующим зданием. Не стоит привлекать внимание соседей к вашей персоне. Хорошо, что вы не передумали. А то мне было обидно терять время, ожидая вас впустую.

— Не о чем было передумывать, — честно признался насильно завербованный. — Все было

решено в первый же день.

— Это говорит о том, что вы мудрый человек, Керими.

Рустам не ответил. Он обещал себе не болтать много, а лишь отвечать на вопросы с людьми подобного рода. Массивный Привольнов был одним из сотен карающих мечей местного НКВД. Ломал он судьбы людские, как и кости. Он собственноручно пытал и расстреливал людей в подвалах ЧК. Это было его работой. Ему не снились кошмары по ночам, с воплями арестованных, не дрожала рука, когда он нажимал на курок. Он всегда был спокоен, как во время беседы с Керими. Если бы ему было приказано расправиться с Рустамом, то он это сделал бы с таким же лицом, как во время их беседы. Эмоции Привольнова были притуплены до уровня бездушной машины. Керими это понимал.

Машина Привольнова стояла под тенью чинара около старого, покосившегося жилого дома. Они быстро сели в машину и направились в сторону здания госбезопасности на проспекте Ленина.

— Степан Федорович изучал ваше дело, — начал Привольнов. — И очень вами заинтересовался. Возможно, он будет задавать вопросы о вашем прошлом и родственных связях в Иране. Будьте предельно откровенны.

Завернув налево, Привольнов остановил машину неподалеку от клуба Держинского, где часто проходили собрания и иные мероприятия подобного рода. Они перешли дорогу и оказались перед главным входом Наркомата внутренних дел. Рустаму стало немного не по себе. Ему повезло в жизни, что он не оказывался здесь раньше и по причинам более тяжким, чем сегодня. Стены отдавали холодом и безразличием, как будто в них закаменели души прошедших через следственные отделы арестованных. Сейчас Рустам был им нужен. Значит, выворачивать руки ему сегодня не будут. Офицер соблюдал все процедуры, которых требовали строгие правила учреждения. Были тщательно проверены документы — его, а тем более новоприбывшего. Керими также проверили на наличие холодного и огнестрельного оружия. Привольнов все это время сохранял безмолвие айсберга.

— Подождите, — наконец выговорил Яков и исчез из поля зрения Рустама. Он вернулся минут через десять, сообщив, что его ждут.

* * *

Между ними не было ничего общего. Жизнь кидала их из одной крайности в другую. Рустама Керими, сына зажиточного торговца и текстильного

фабриканта, злой рок, испытывая на прочность, тянул за ноги вниз всеми силами, будто хотел определить самую низшую точку, на которой он сможет выдержать натиск неудач и горечь потерь. Мальчика из татарского села Ташлияр, Степана Емельянова, наоборот, судьба, постегиваемая революционным смерчем, вытаскивала из нищеты вверх по социальной лестнице, где на одной из ступенек в его руках оказывались тысячи других судеб. Возможно, на каком-то жизненном отрезке социальное положение и благосостояние Керими и Емельянова были равны. Они столкнулись в некой точке, как в арифметической задаче про пукты А и Б. Но встреча была недолгой. Революционная и послереволюционная лихорадка сметала на своем пути все логическое и закономерное. Богатые нищали, «никто становился всем». Впоследствии судьба выкинет новые фортели как в отношении Рустама, так и Степана Емельянова, чьи генеральские звездочки пока что нежились и искрились в лучах утреннего, бакинского солнца, проникающего через окно в кабинет комиссара. Емельянов поздоровался, положив карандаш на страницах досье Керими как закладку.

— Яков Сергеевич объяснил примерную причину вашего визита к нам? — Емельянов скрестил ладони.

— Слегка.

— Можно и подробней, — глаза Емеьянова смотрели прямо в лицо Керими. — Мы изучали вашу биографию и решили, что такие люди, как вы, могут нам очень пригодиться. Полагаю, и вы будете не прочь с нами сотрудничать, — генерал сверил свои записи. — Стало быть, так. Керими Рустам Шафи оглу. Родился в 1911 году в иранском городе Тебризе. Отец Шафи Саид оглу Керими — фабрикант, владелец многих торговых магазинов в Тебризе, а также Ардебиле и даже в самом Тегеране. Ваш отец был богатым человеком, товарищ Керими, — слова «товарищ» и «богатый» в интонации Емельянова звучали как не соответствующие друг другу субстанции. — Вы согласны со мной?

— Вполне, — к горлу Рустама подкатил комок, но он справился. Прочь радостные воспоминания детства. Детского счастья не было. Приснился сладкий сон, но настал черед горького пробуждения.

— Так, идем дальше. В 1921 году ваш отец решил эмигрировать в Советский Союз. Он пересек границу в районе Астары и перебрался вместе с вами в столицу Советского Азербайджана город Баку. Зачем он это сделал? Ведь он был обеспеченным человеком. У него все было. С какой целью человек, обладающий всеми благами жизни, вдруг собирается с насиженного места и держит

путь-дорогу в неизвестность? У вас же тогда в Баку не проживало никаких родственников. Проясните ситуацию.

— У одной монеты одна проблема, у тысячи — в тысячи раз больше. И с каждой новой монетой в кошельке друзей становится меньше, а врагов больше. Только враги эти в личине друзей, волки в овечьей шкуре. К сожалению, мой отец не смог их сразу распознать. Давал в долг большие суммы, которые не возвращались, имел дела с нечистыми на руку людьми. Такие волчары и подожгли текстильную фабрику отца, разворовали несколько его магазинов. Потом начались угрозы. Обещали расправиться с ним и с его семьей, то есть с нами. Это были очень нелегкие времена, Степан Федорович. Моя мама скончалась именно в этот период. Не выдержало сердце.

— Ваш отец занимался текстилем?

— Не только. Да, фабрика приносила хороший доход. Там выпускались головные платки для женщин, молитвенные коврики, рубашки, скатерти и многое другое. Он реализовывал их через посредников, а иногда напрямую через свои торговые точки. Еще у него были ковровые и ювелирные магазины.

— Сладко, — почесал подбородок Емельянов, вспоминая свое голодное детство. — И что же дальше?

— К нему часто приходили непонятные люди с угрозами. Я даже видел, как отец спорил с этими бандитами на улице. Я слышал, как он резко разговаривал с ними и требовал, чтобы вернули его деньги.

— Долг платежом красен.

— Мне было страшно, что его могут убить.

— Но пришлось убить ему, не так ли? Или я что-то путаю?

— Если вам все известно..., — опешил Керими.

— Не все. Вы продолжайте рассказ. Я слушаю.

— Я толком не знаю, что тогда произошло. Убили. Кого и где..., — Рустам сильно занервничал, стал заикаться. Смутные детские воспоминания стали окатывать его холодной волной. — Отец приходил домой очень поздно. В последнее время он ходил очень раздраженный. Мог прикрикнуть на меня и на мою малолетнюю сестру. Я не знал, что происходит. Но однажды, случайно, я подслушал его разговор с моей мамой, когда она была еще жива. Он говорил, что его дело хотят придушить, и это очень влиятельные люди. Многие из недругов отца имели сильные связи в окружении шаха и нового премьер-министра Ирана. Началась травля. Отчетливо помню тот день, когда он решил уехать из страны. Он оставил дочь

своей сестре и сказал, чтобы я собрал все свои вещи. Я не знал, что он убил человека. Он рассказал об этом позднее, когда я уже был взрослым человеком и преподавал в институте.

— Причины убийства он вам не раскрыл? — спросил комиссар.

— Отец рассказывал, что сделал это, защищаясь, но понимал, что спуску ему не дадут. У него отнимут все и посадят, если не казнят. Так лучше хотя бы жить свободным, чем унижаться перед шахскими шавками.

— Что стало со всем вашим имуществом?

— Признаюсь: кое-что он смог с собой перевезти в Баку. Это помогло встать здесь на ноги, а потом..., — Рустам замолк. Перехватило дыхание.

— А потом, — Емельянов решил прийти на помощь, — указ наркома НКВД Ежова от 18 января 1938 года «Об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана», а еще через день Постановление ЦК ВКП(б) «О принятии советского подданства подданными Ирана» с приложением справки о наличии иранцев в Азербайджане. Цитирую постановление: «Всех тех граждан иранцев, которые оформят советское подданство, переселить в месячный срок в Казахстан. Все те граждане иранцы, которые откажутся от перехода в советское подданство и пожелают остаться подданными Ирана, подлежат немедленному

выселению в Иран, и в случае отказа — аресту».

— Все, что мы имели, было конфисковано, — Керими хриплым голосом рассказывал историю почти трехгодичной давности. — Этот день тоже трудно забыть. Отцу дали еще месяц, чтобы он одумался и не шел против государства. Почему-то они решили, что отказ покинуть свой очаг означает идти против государства. Наутро я нашел его мертвым с предсмертной запиской.

— Почему Шафи Керими не хотел отказываться от иранского подданства? Ведь его там притесняли.

— Он надеялся, что когда-нибудь он снова вернется в Тебриз. Отец мечтал увидиться с дочерью и родными. Всегда представлял, какой взрослой она стала. К тому же зачем отказываться от иранского гражданства, если советское подданство сулит тебе ссылку в Казахстан? Мы все-таки азербайджанцы и хотели жить на азербайджанской земле, хотя это бывает труднее сделать, чем на чужбине.

Емельянов заметил, что его собеседник заметно побледнел.

— Налейте себе воды, — предложил комиссар. — Теперь вернемся к вам. Вы, в отличие от вашего отца, имеете паспорт СССР. Это дало вам право остаться в Баку и заниматься преподавательской деятельностью. Вы были

женаты. Ваша бывшая супруга тоже гражданка СССР. После развода у вас осталось трое несовершеннолетних детей.

— Все верно, — холодная вода из графина помогла Рустаму прийти в себя.

— Вы прекрасно разбираетесь в искусстве Древнего Востока. В совершенстве владеете русским, азербайджанским и фарси. Неплохие отзывы с места работы. Вы никогда не шли против Советской власти, не имели связей с иностранной агентурой, одним словом, не работали во вред Советскому Союзу. Это вас прекрасно характеризует. — Емельянов снова посмотрел на бумаги, разложенные на его рабочем столе. — Ежов уже не нарком НКВД, а у нашей страны сейчас появились новые задачи, продиктованные духом времени. Одна из таких задач — усиление позиции СССР на южных рубежах, то есть в Иране. На вашей исторической родине. И мы надеемся на помощь таких товарищей, как вы, Керими.

— Что я должен сделать?

— Учитывая ваши данные, мы хотим, чтобы вы работали в нашем дипкорпусе в Тегеране. Именно в Тегеране, потому что ваше знание фарси поможет в установлении контактов с высокопоставленными чиновниками-персами. Нам позарез нужны свои люди в окружении премьера, министра иностранных дел Ирана. Оттуда первым

рейсом все новости. Ваше искусствоведческие способности также будут способствовать налаживанию связей с другими персонами, включая американцев и англичан, где вам необходимо будет выявить круг лиц, заинтересованных в сотрудничестве с Советским Союзом, а также в готовности предоставлять нам необходимую информацию, если доступ к таковой они будут иметь.

— У меня нет опыта разведчика, Степан Федорович. И причем тут искусство Древнего Востока?

— Э-э, не скажите, Рустам, любят они всякого рода штучки. Ковры расписные, кувшины золотые, кинжалы серебряные с бриллиантами. Кто, как не вы, можете им предоставить такие подарки и раскрыть их историю? Может, кому-то поднос золотой с брошками ротик и приоткроет. Понимаете? — Емельянов хитро прищурился.

— Вполне.

— Согласен, работа сложная, может быть, даже порой на грани жизни и смерти. Но перед вашей отправкой в Иран вы пройдете минимальный курс разведчика, который будет необходим в вашей работе за границей.

— Я буду работать исключительно в Тегеране? — поинтересовался Рустам.

— Ни в коем случае. Вся катавасия

произойдет в Южном Азербайджане. У вас будут частые поездки в Тебриз, Ардебиль и другие города Северного Ирана. Мы полагаем, что должность помощника посла по культурным вопросам будет вам весьма кстати.

— Атташе по культуре?

— Да. Мы проинформируем посла СССР в Иране Андрея Смирнова о вашем прибытии незадолго до вашего официального назначения.

— Какую подготовительную работу я должен пройти? Сколько времени для этого понадобится и в чем она будет заключаться?

— Мы пристроим к вам Якова Привольнова и еще нескольких специалистов. Они вам все объяснят подробно и доходчиво. Подготовка будет проходить каждый день, кроме воскресенья, хотя, если понадобится, вас будут вызывать и по праздникам. Примерное время вашей отправки в Тегеран — минимум через полгода. Крайний срок — десять месяцев. За это время вы многому должны научиться. Оружием владеете?

— В школе нас водили на стрельбище, и еще несколько раз приходилось стрелять из маузера по пустым бутылкам.

— Вот как раз Яков вам и напомнит, как надо стрелять, — Емельянов сделал многозначительную паузу и добавил. — По пустым бутылкам.

— Степан Федорович, — Рустам несколько

замаялся. — Я готов служить Советской власти и рисковать ради нее своей жизнью, только...

— Только? — грозно переспросил комиссар.

— Мне сообщили, что я больше не работаю в институте. Это единственная моя работа.

— Ах да, конечно, — просветлел Емельянов. Деньги — это не отказ и даже не проблема, требующая решения, а не более чем технический вопрос. И вряд ли здесь надо искать что-то крамольное. — Партия по достоинству оценит ваш труд, Керими. Считайте, что вы уже на работе, и ваша зарплата в несколько раз будет превышать зарплату учителя искусств. Дальше — больше. Работайте над собой, Керими, полгода пролетят очень быстро. Яков вас отвезет обратно домой.

Первая встреча с комиссаром завершилась. Впечатления были намного лучше, чем ожидал Рустам. То, что он был нужен властям, уже вселяло в него определенную гордость. Человека без опыта дипломатической работы берут на должность помощника посла! Он никогда не мечтал стать шпионом, но он им станет. С соседочкой он свою любовь не разделит, но хороший подарок, за высокий денежный оклад дипломата, сделает. За все ее труды: стирку, глажку, уборку. Его вовлекают в большую игру, ради этого стоит научиться стрелять по пустым бутылкам.

Глава 5

Лондон. Октябрь 1940.

Молодой лондонский плотник, с прозаичным именем Том, вырезал дугу на краю письменного стола из красного дерева. Он получил размеры и уже доделывал работу в самом домашнем кабинете премьер-министра Соединенного Королевства. Работенка не трудная, но вполне ответственная. Ибо в эту деревянную дугу в самый раз должен был помещаться объемистый живот одного из величайших англичан всех времен, нового премьер-министра, сменившего на этом посту Артура Чемберлена, гениального и массивного Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля. Ничто не должно было отвлекать премьера от решения жизненно важных задач Великобритании, даже неудобство от края стола, который впивался в плотную жировую прослойку этого эксцентричного государственного деятеля. Ради трезвого расчета Черчилль мог пойти иногда на немислимые, порой неоднозначные бытовые и политические поступки. И этот столик с полукругом — не самый большой каприз сэра Уинстона.

— Как успехи, Том? — Черчилль тихо вошел в кабинет, в сопровождении супруги и советника по

военным вопросам Хастингса Исмея.

Плотник, увлеченный работой, вначале не заметил широкую фигуру премьера, но, увидев хозяина кабинета, заулыбался и радостно отрапортовал на диалекте кокни:

— Все в порядке, сэр. Осталась мелочь. Небольшая шлифовка на месте.

Черчилль подошел ближе, всматриваясь в размер дуги, поверхность стола, ножки, в большое, массивное кресло. Ничто не должно было стеснять движения премьера, что по причине объемного тела было весьма проблематичным делом. Премьер-министр Англии не любил сковывающих рамок, и видимых, и тех, которых нельзя было потрогать руками, но можно ощутить всем своим гениальным сознанием. Комфорт помогает здраво рассуждать и принимать самые верные решения. Сигара и хороший коньяк — не исключение.

— Думаешь, я сюда влезу? — он снова обратился к плотнику.

— Я все делал по размеру, указанному в документе, который мне предоставил ваш секретариат, сэр. Лично мистер Колвилл, как бы оправдываясь, отвечал плотник, хотя никакой ошибки в расчетах и самой работе мастера не было. Черчилль к рабочему инструменту относился так же педантично, как и к политической ситуации в мире, скрупулезно рассчитывая каждый шаг своих

союзников и врагов. Ведь именно на этом столе он должен был решать запутанные мировые конфликты.

— Немаловат ли для старого морского волка? Как думаешь, Клементина?

— Лучше всего сесть и самому проверить, — разумно отвечала супруга. — Твой живот непредсказуем.

— Да, конечно, лучше проверить сейчас, — посоветовал плотник Том. — Если вас не устроит величина дуги, я лично внесу изменения и все подправлю. Увеличить полукруг несложно, и это не займет много времени, сэр.

Водянистые глаза Черчилля прошлись по доброму мастеру Тому в синем комбинезоне взглядом требовательного папаши, смотрящего на старательного сына. Все стало для Черчилля вокруг гармоничным и полным логики, когда он занял свое рабочее место. Живот премьера расплескался по длине полукруга, как желе.

— Мне думается, наш Том постарался на славу.

Похвала Черчилля не заставила себя долго ждать. Плотник был счастлив и широко улыбался. Секретарь премьер-министра мистер Колвилл в расчетах не ошибся. Мастер по дереву эти расчеты удачно претворил в жизнь. В ближайшее время его не будут беспокоить по поводу изменения

величины полукруга. Тем не менее до конца премьерства Черчилля дуга на его столе не раз претерпит изменения в сторону прогресса.

— Спасибо, сынок, — Черчилль, сидя в кресле, пожал плотнику руку и подмигнул Клементине. — Через полгода, возможно, мы тебя еще раз вызовем.

Том попрощался и вышел. Клементина, Хастингс Исмей стояли около двери, ожидая дальнейших приказов сэра Уинстона Черчилля. Как раз он вспомнил про шкатулку с сигарами, которая опустела еще вчера вечером.

— Клементина, в шкатулке, кажется, ничего нет.

Клементина, мудрая проницательная женщина, была настоящей парой своему супругу. Она понимала, что должна оставить его наедине с советником, но, конечно, не забыв при этом принести его любимые сигары.

— У нас есть много чего для тщательного анализа ситуации, не так ли, Хастис?

— Положение усугубляется с каждым днем, сэр, — Исмей еще не раскрыл перед шефом географические карты нескольких регионов, хранящихся в его портфеле. — По данным, полученным от нашей разведки в Италии и Германии, Гитлер собирается напасть на Советский Союз уже летом.

— Есть точная дата?

— После 15 июня и до начала июля.

— Сталин не верит, что Гитлер попытается напасть на Советы, не разобравшись с нами. Пакт Молотова-Риббентропа опьянил его не хуже красного вина.

— Источники говорят обратное. Гитлер хочет до наступления зимы разобраться с Советским Союзом, и тогда уже ничто на свете не помешает ему господствовать над всем миром. Перспективы рисуются не самые радужные. Он верит, что потенциал немецкой армии позволит Германии раздавить русского медведя в его же берлоге. И если одновременно с Германией с востока СССР атакуют японцы, то мировой порядок претерпит существенные изменения, и англосаксы в нем будут играть отнюдь не первые роли.

— А что же Япония?

— Информация противоречивая. Некоторые источники склоняются к мысли, что они начнут войну против русских, другие, близкие к Кремлю, это отрицают.

— Самообман русских может дорого им стоить, — Черчилль сморщил подбородок и надул губы. Ему хотелось курить, а Клементина еще не вернулась.

— Вполне вероятно, что это не самообман, сэр.

Исмей, человек, непонаслышке знакомый с военной стратегией, генерал-лейтенант и впоследствии генеральный секретарь НАТО, прекрасно знал, как добывается информация и как ее обрабатывают умудренные опытом эксперты. В шифровках, полученных от резидентов, учитываются возможные варианты последующих событий. Принимаются во внимание не только количество танков, самолетов, живой силы противника, но и работа дипломатических корпусов, погодные условия, привычки и характер верховных главнокомандующих стран-участниц возможного конфликта. Очень типичный метод по добыванию сырья, его обработке и использованию для получения окончательного продукта. Только вместо угля и руды — информация.

— При тщательном анализе поступающей информации, — заметил Исмей, — можно верно рассчитать свои силы. В случае отказа Японии начать войну против Советского Союза русские смогут перебросить к западным границам дислоцированные на Дальнем Востоке дивизии. Это поможет им выдержать первый удар и выиграть время, чтобы договориться с будущими союзниками в борьбе против общего врага. — В чем будет заключаться наша помощь и каковы будут ее объемы?

— Угроза Англии со стороны Германии